

Деревенскія пѣсни и пѣвцы.

Изъ поѣздки по Новгородской губ.: по уѣзdamъ Череповецкому, Бѣлозерскому и Кирилловскому ¹⁾.

Поѣзда моя лѣтомъ 1901 года въ Новгородскую губернію устроилась совсѣмъ неожиданно, главнымъ образомъ благодаря любезности одного американца. Еще въ Америкѣ, во время нашихъ концертовъ, я познакомилась съ однимъ американцемъ м-ромъ Крэномъ, который усердно посѣщалъ концерты и очень интересовался какъ русской музыкой, такъ и Россіей вообще. Оказалось, что онъ уже иѣсколько разъ былъ въ Россіи, которая привлекала его своеобразностью природы и жизни, несмотря даже на то, что, благодаря свойственной американцамъ наивности по отношенію къ паспортной системѣ, которой у нихъ не существуетъ, въ первыя же днѣ поѣздки ему пришлось испытать иѣкоторая нероховатости нашего строя. Въ первую свою поѣзду онъ затерялъ паспортъ и попалъ въ очень неловкое положеніе, изъ котораго съ трудомъ выпутался. Собираясь въ Россію во второй разъ, онъ рѣшилъ быть осторожнѣе и взялъ два паспорта. Въ дорогѣ онъ встрѣтилъ американца, которыйѣхалъ въ Россію въ первый разъ и не имѣлъ никакого вида. Желая оказать услугу своему соотечественнику, м-ръ Крэнъ предложилъ ему одинъ изъ своихъ паспортовъ, и такимъ образомъ въ Россіи очутилось два американца, путешествующіе подъ однимъ именемъ. Каждый русскій легко можетъ представить себѣ, къ какимъ осложненіямъ это привело: м-ръ Крэнъ попасть еще въ худшее положеніе, чѣмъ въ первый разъ.

1) Читано въ соединенномъ застѣданіи Этнографического Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при Отдѣлѣ Музикально-Этнографической Комиссіи 3 мая 1902 года.

Ред.

По интересъ его къ Россіи былъ выше какихъ-нибудь мелкихъ неудачъ. Онъ обладаетъ необыкновенной способностью подмѣтать положительную сторону каждого явленія, а потому и въ русской жизни онъ сумѣлъ уловить свѣтлые, привлекательные стороны въ искусствѣ, въ литературѣ, въ народномъ творчествѣ, и сдѣлался ихъ ревностнымъ поклонникомъ.

Представился случай, и м-ръ Крэнъ заявилъ свое сочувствіе къ русскому искусству на дѣлѣ посредствомъ своего вліянія въ американскихъ финансовыхъ сферахъ.

Вотъ на этой почвѣ и возникла иѣкая спорная сумма, которая, по моему убѣжденію, принадлежала м-ру Крэну; онъ же утверждалъ, что иѣтъ. Когда прошлой зимой я послала ему эту сумму въ Чикаго, м-ръ Крэнъ не согласился взять ее, а, удвоивъ, отправилъ обратно въ Россію, предсѣдателю Геогр. Об-ва, П. П. Семенову, назначивъ ее специально на дѣло собирания пѣсенъ, а Нѣсенналь Коммиссія предоставила ее мнѣ, поручивъ сдѣлать пѣсенное изслѣдованіе въ Повгородской губерніи. Вотъ обѣ этой-то поѣздкѣ я и хочу разсказать.

Опять я провела иѣсколько мѣсяцевъ въ погонѣ за пѣснями. Много деревень пришлося мнѣ пройхать этимъ лѣтомъ, такъ много, что мнѣ начинало казаться, ужъ не одна ли огромная деревня вся Россія? И опять, еще сильнѣе, чѣмъ прежде, я чувствую, какъ мало сдѣлано, какъ много сѣышной, неотложной работы впереди. Съ каждой новой поѣздкой, послѣ которой я привожу десятки, даже сотни интересныхъ записей, я съ ужасомъ думаю, что этотъ драгоценный источникъ скоро иссякнетъ, исчезноть подъ новыми наслоеніями, и все сильнѣе сознаю слабость личныхъ силъ, убѣждаюсь все болѣе, что нужна громадная коллективная энергія, неустанныя, изъ года въ годъ, нужны цѣлые фаланги собирателей.

Пока есть еще время. Несмотря на то, что строгую, старинную пѣсню всѣми силами выживаетъ нелѣная и нескладная пѣсня, которую фабричная молодежь несетъ изъ города, еще есть по деревнямъ старики и старухи, хранящіе въ душѣ своей остатки народного пѣсенного творчества. Когда удается разспросами о старинныхъ пѣсняхъ расшевелить въ нихъ воспоминанія юности, они забываютъ тяжелую дѣйствительность, утомленіе послѣ работы, пренебрегаютъ насмѣшкамъ молодежи, и, начавъ пѣть, спачала съ

робостью, потомъ ужъ смѣлѣе, потомъ часто не смолкаютъ до полуночи.

Живой вереницей встаютъ въ памяти моей пѣвцы-импровизаторы, которыми имѣеть право гордиться наша родина.

Воть они, эти деревенскіе Мазини и Фигнеры. Въ рваныхъ кафтанахъ, въ домотканыхъ шароварахъ, на грязной работѣ потерявшихъ всякий цвѣтъ, часто съ нечесаной бородой и немытыми руками, полусмущенные и полугордые, стоять они, когда молва доводить до нихъ собирателя, и полные какой-то своеобразной, привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорятъ: „Да что—вѣдь мы только свдѣ деревенскія пѣсни и знаемъ“. Съ какимъ добродушнымъ недовѣріемъ качаютъ они головой, слыша отвѣтъ: „Пхъ-то намъ и нужно“. Зачѣмъ? Какал еще новая причуда явилась у людей, жизнь которыхъ полна всякихъ благъ, которымъ, кажется, и желать болыше нечего? „Старыя пѣсни требуютъ, досельныхъ... И зачѣмъ бы это?“

Всѣ переминаются на мѣстѣ, бабы вздыхаютъ. Лица выражаютъ заботу. „Снѣть-то споемъ, да не будетъ ли намъ чего за это? Въ городѣ бы не потребовали, не засадили бы куда?“

Я смысью. „Да куда? За что?“

— А за пѣсни, не ровень часъ...

Я вслчески убѣждаю, что ничего за пѣсни не будетъ, кромѣ похвалы, и разъясняю цѣль собиранія. Успакаиваются. Мысль о сохраненіи старинныхъ пѣсень, достоинства которыхъ признаютъ всѣ, даже молодежь, начинаетъ правиться.

— За старину взялись... не передъ концомъ бы,—вдругъ слышится опять полныій сомнѣнія озабоченный бабій голосъ.

— Ты старья не покупаешь ли? — спрашиваетъ другая баба.—Къ намъ намедни графъ прїѣжалъ, старые собираетъ... По три рубля за старыя полотенца даваль. Оно все въ дырахъ, бросовое, а онъ три рубля... Тебѣ не надо ли?

Бабы и дѣти стоять около меня тѣснѣмъ кругомъ и разматриваютъ меня пытливыми глазами. Впереди дѣвочки-няньки съ грудными младенцами, самыя любопытныя кумушки, играющія роль и газеты, и почты въ деревнѣ. Я чувствую, что всѣ хотятъ определить мою личность, уяснить себѣ, кто я,—въ деревнѣ не любятъ ничего неяснаго, тамъ о каждомъ человѣкѣ знаютъ всю подноготную, всѣ привыкли жить на міру. Для полной характеристики

новгородскихъ бабъ, я должна сознаться, что ихъ очень мало интересовало то, что яѣзжу оть ИМПЕРАТОРСКАГО Географического Общества. Ихъ интересовало совсѣмъ другое. Выслушавъ довольно хладнокровно мое объясненіе, зачѣмъ мнѣ пѣсни, оть кого яѣзжу, онѣ, чтобы уразамѣть вполнѣ *суть* дѣла, начинаютъ допросъ такого рода:

Баба. Та-акъ... За пѣснями єздишь?

Я. Да. За пѣснями.

Баба. О-охъ. Отъ мужа єздишь?

Я. Да.

Баба. О-охъ. Поѣдешь ли къ нему-то опять?

Я. Ноѣду.

Баба. Поѣдени. Ну-у...

Вначалѣ голосъ у бабы жалобный, особенно на „охъ“, потомъ успокоенный, когда она говоритъ: „Ну-у“. Но я, конечно, не, въ состояніи передать ихъ неподражаемую интонацію; въ ней бездна смысла. Это цѣлая мораль.

Послѣ этого разговора начинается настоящее знакомство. Шупаютъ мое платье, разспрашиваютъ всѣ подробности о моей жизни, семье и сами начинаютъ разсказывать о себѣ.

Старухъ мнѣ удавалось склонить иѣть, только познакомившись съ ними и поговоривъ по душѣ. Да, признаюсь, знакомство съ ними привлекало меня. За рѣдкими исключеніями, въ Новгородской губерніи мнѣ встречались очень симпатичные типы. Въ деревенскихъ старухахъ есть удивительная стойкость и выдержка. Казалось бы, что женщина, проработавшая всю жизнь трудную деревенскую работу, народившая и выхodившая многихъ дѣтей—вѣдь крестьянская семья очень многочисленны,—что такая женщина, доживъ до 60 лѣтъ, имѣла бы право на отдыхъ. Но, наоборотъ, старуха-крестьянка встаетъ раныше всѣхъ, справлять скотину, печеть хлѣбы, готовить обѣдъ, смотрѣть за ребятниками, треплетсѧ цѣлый день и ложится послѣ всѣхъ; да еще въ праздникъ такъ развеселится и такихъ пѣсенъ напоѣтъ, что молодыхъ за поясъ заткнетъ, хотя при этомъ стыдится даже сознаться, что умеетъ пѣть: „Куда мнѣ, стара стала,—голосъ не бѣжитъ. Вотъ, еслибъ прежде, я бы тебѣ напѣла“.

Но есть и такія, что есть заботы и горя вправду голосъ потеряли. Къ нимъ принадлежитъ моя большая пріятельница, Анисья

Елизаровна, изъ деревни Доронино, Череповецкаго уѣзда, талантливая причитальщица, но совсѣмъ потерявшая голосъ. Она пробовала пѣть въ фонографъ—ничего не выходило. Тогда она рѣшила надиктовать мнѣ нѣсколько причетовъ, съ тѣмъ, чтобы пойти съ ней въ ея деревню, которая была центральнымъ пунктомъ моихъ поѣздокъ по Череповецкому уѣзду—верстъ 12 отъ Череповца—and записать напѣвы причетовъ съ голоса ея односельчанки, женщины среднихъ лѣтъ, специалистки-причитальщицы. Въ виду того, что въ каждой данной мѣстности почти всѣ причеты поются на одинъ напѣвъ, я согласилась, тѣмъ болѣе, что причеты Анисы мнѣ очень нравились. Она вносила въ нихъ много задушевности. Она же мнѣ рассказала, что у нихъ есть старики, который хорошо поетъ старинныя пѣсни.

Анисья живеть въ Череповцѣ не по своей волѣ, а съ любимымъ сыномъ, который находилъ деревенскую работу слишкомъ трудной и ушелъ въ городъ. Анисья живеть съ нимъ и терпитъ всевозможныя неудобства, а домъ ея въ деревнѣ стоитъ пустой. Другой ея сынъ ушелъ въ Петербургъ и бросилъ семью, жену и шестерыхъ маленькихъ дѣтей. Вообще Петербургъ играеть въ Новгородской губерніи роль какой-то обѣтованной земли. Больѣ энергичная молодежь только и живеть и мечтасть о немъ, особенно въ Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ. Это приводить въ отчаяніе матерей, которые теряютъ нерѣдко дѣтей навсегда.

8 іюня мы отправились въ Доронино. Погода была очень хорошая, не слишкомъ жаркая, вѣтеръ дулъ намъ въ лицо, и Анисья, которая была очень весела и разговорчива, увѣряла, что это хороший признакъ, что плохо, когда вѣтеръ дуетъ по пути. Но чѣмъ ближе мы подходили къ ея деревнѣ, тѣмъ она дѣлалась грустнѣе. Когда мы вошли въ деревню, Анисья указала намъ впереди свою избу, а сама ушла разыскивать пѣсельника Николая. Ея изба, большая и высокая, имѣла видъ полнаго запустѣнія. Стекла въ окнахъ были выбиты; крыльцо разобрано. Мы присѣли на развалинахъ крылечка. Насъ окружили ребятишки и маленькия нянѣки съ младенцами на рукахъ, а изъ оконъ другихъ избъ высовывались бабы и кричали: „Да вы что же въ разоренную избу идете, подите лучше къ намъ; самоварчикъ мигомъ поставимъ“. Но мы остались вѣрны Анисьѣ. Скоро пришла она и, какъ посмотрѣла на свою несчастную избу, залилась слезами.

Я насили утѣшила ее, говоря, что черезъ нѣсколько минутъ ея разоренная изба будетъ полна гостей — стоитъ только завести „машинку“, т. е. фонографъ. Она встрепенулась и захлопотала. Мы всѣ влѣзли въ избу безъ крыльца. Жена единственного оставшагося въ деревнѣ сына Анисы, Ивана, стала ставить самоваръ, а я принялась развѣшивать рупора и все приготовлять для записыванія пѣсенъ.

Пришелъ Николай Евдокимовъ, серьезный, степенный старикъ, съ большой бородой, настоящій патріархъ. За руку его цѣплялся двухлѣтній внучекъ и ни за что не хотѣлъ оставить дѣда, такъ что его унесли на улицу насильно, и онъ ревѣлъ. Николай Евдокимовъ обращался съ внучкомъ очень нѣжно, что при его суро-вой наружности выходило трогательно. Онъ, видимо, только не хотѣлъ отказать Анисѣ и пришелъ по ея просьбѣ, но ему было какъ будто стыдно, что онъ пришелъ по такому глупому дѣлу, какъ пѣсни. Когда я пробовала объяснить ему, зачѣмъ мнѣ пѣсни и какъ онъ записываются въ машинку, онъ не слушалъ меня, а все твердила: „Это ужъ ваше дѣло. Гдѣ намъ понять. Вы лучше знаете“. Вообще былъ очень холodenъ и не смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Первой рѣшилась записать свои причеты нестараая еще баба, Анна Герасимовна, пришедшая съ груднымъ ребенкомъ трехъ мѣсяцевъ. У нея оказался хороший звонкій голосъ, и записи вышли довольно удачными. Это раззадорило и другихъ бабъ и заинтересовало даже серьезнаго Николая. Они попробовали спѣсть впятеромъ пѣсню въ рупоръ. Вышло недурно. У Николая глаза начинали блестѣть. Онъ спѣшъ въ рупоръ пѣсню одинъ, смущался, забылъ пѣсню по серединѣ и сказалъ: „Забылъ, дальше не знаю“. Потомъ вспомнилъ и продолжалъ. Когда же фонографъ, повторяя пѣсню, повторилъ и слова его: „Забылъ, дальше не знаю“, онъ пришелъ въ чисто дѣтскій восторгъ и сталъ рассказывать всѣмъ вновь входившимъ, какая удивительная „машинка“, что она повторяетъ не только пѣсню, но и что скажешь. Съ этого момента ледъ растаялъ. Николай съ увлечениемъ сталъ объяснять всѣмъ значеніе записи пѣсень, какъ машинка записывается, училъ бабъ, какъ пѣть въ „нутро“. Въ Доронинѣ были записаны порядочныя пѣсни. А Анисѧ радовалась, что ея заброшенная изба полна народу, и плакать перестала, а вся разгорѣлась, разрумянилась отъ удовольствія.

Первый свой причеть Анисья сложила еще при выходѣ замужъ. Она шла за нелюбого, не по своей волѣ и высказалась всѣ свои чувства въ причеть. „Обдумала все, да и сказала, отвела душу“, говорила она мнѣ. Вотъ этотъ причеть: *къ брату передъ свадьбой въ послѣдній день:*

Не торопитесь, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Шегодите, вы лебеди бѣлыя,
Выходить изъ-за столовъ изъ-за дубовыхъ.
Ахъ, дайте мнѣ, да красной дѣвицѣ,
Дайте мнѣ да въ очи ¹⁾ видѣти
Сокола да брата милаго,
Единокровиаго, единогробиаго,
Свѣтъ Степана Елизаровича.
Подойди-тко, братецъ миленъкій,
Ко столу да ко дубовому,
Ты ко мнѣ да къ красной дѣвицѣ.
Ты послушайся, да братецъ миленъ-
кій,
Ты меня да красну дѣвицу,
Что тебѣ я красна дѣвица
Говорить буду, наказывать.
Ты возьми-тко тесьмичку узду,
Ты сходи, да братецъ миленъкій,
Ты сходи да на широкой дворъ,
Какъ обратай коня доброго,
Доброго коня, Ѣзжалаго.
Ужъ ты сѣѣди, братецъ миленъкій,
Въ славный городъ во Череновецъ,
Ты куни, да братецъ миленъкій,
Гербовой да листь бумажечки.
Нашини-тко, братецъ миленъкій,
Ужъ ты скорую отказную
Отъ меня, отъ красной дѣвицы.

Послѣ просватанія:

Богъ судья, кормилецъ батюшка,
Богъ судья, родима матушка,
Не дали да красной дѣвицѣ,
До люба да насидѣтися,

Ты сходи-ка, братецъ миленъкій,
Ты ко этимъ, ко чужимъ людямъ,
Ты войди-тко, братецъ миленъкій,
Безъ допросу во широкой дворъ,
Безъ допросу во широкой дворъ,
Безъ докладу въ темну темницу,
Какъ во этой темной темницѣ,
Не молись ко Господу Богу,
Ты не бей чесомъ, не кланяйся
Какъ ты этимъ злымъ чужимъ лю-
дямъ.

Ты положь-ко, братецъ миленъкій,
Ужъ ты скорую отказную
Ты на ихній на дубовый столъ,
Ты скажи-тко, братецъ миленъкій,
Грублю слово нехорошее:
«Вотъ, возьмите, злы-чуши люди,
Вотъ вамъ скорая отказная
Отъ голубушки миляй сестры:
У насъ ишту дѣвишки на возрастъ,
Нѣть невѣсты запросватаній».
Мы бы съ тобой, да братецъ ми-
ленъкій,
Стали жить да все по старому,
Работать да все по прежнему,
За тебя бы, братецъ миленъкій,
Я была бы, красна дѣвица,
Ночная богомольщица,
Я денная попечальница.

До охоты нагулятися,
Цвѣтного платья наноситися,
Мнѣ дополнить лицо бѣлое,
Мнѣ доростить да русу косу

¹⁾ ч выговариваются какъ среднее между ч и ч.

До единаго до волоса,
Такъ и что я красна дѣвица
Со годамъ да не сверсталася,
Съ умомъ разумомъ не собралася.
У меня у красной дѣвицы
Какъ мое да лицо бѣлое—
Что берестичко лежалое,
Лежалое годовалое.
Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь,
Мой кормилицъ сударь-батюшка,
Государыня-матушка,
Какъ и миѣ да красной дѣвушкѣ
Какъ миѣ эти да чужи люди:
Вмѣсто пожа они миѣ востраго,
Вострова пожа булатнаго.
Ужъ какъ я, да красна дѣвица,
До того, да прежде этого
Я ходила, красна дѣвица,
По широкой да по улицѣ,
Такъ у меня у красной дѣвицы
Не глядѣли очи ясныя
На пхнюю темну темницу
На темную да потюремницу.
Мой кормилицъ, сударь батюшка,

Когда въ баню (баенку) ведутъ, родители изъ причитываютъ:

Мой кормилицъ, сударь батюшка,
Наряди да слугу вѣрию
Ты посыпочку да скорую
Целонить да теплу баенку;
Чтобы была да тепла баенька
Въ головѣ да не угарчива,
Къ бѣлу тѣлу да припарчива;
Миѣ сходить да красной дѣвицѣ

Когда выйдутъ изъ бани:

Тебѣ спасибо, тепла баенька,
Бѣло больно меня вымыла,
Не по старому, не по прежнему.
Я не смыла, красна дѣвушка,

Государыня ты матушка,
Ногляди, да сударь батюшка,
Государыня ты матушка,
У меня у красной дѣвицы
Не жемчугъ, да горючи слезы,
Не бумага—лицо бѣлое.
Какъ ужъ вьюсь я увиываюся,
Шелковымъ клубомъ катаюся,
Со голубушкамъ подруженькамъ,
Съ верстной ровнишкой великою.
Какъ у васъ, мои голубушки,
Жалостливы отцы, матери,
Вамъ даются, сестрицы мылья,
До люба да пасыдѣтися,
До охоты нагулятися,
Цвѣтнаго платья цаноситися,
Вамъ доростить да русу косынку
До единаго до волоса,
До шелковаго до пояса.
Какъ у меня-то, у красной дѣвицы,
Руса коса расплетается,
Алы ленты развиваются,
Что номерки очи ясныя
Что потускни щеки алыя. Охъ¹⁾.

Миѣ во теплую во баеньку,
Въ теплую, да наровитую.
Со голубушкамъ, подруженькамъ,
Не со стадомъ лебедышнимъ,
Лебединымъ да гулливымъ,
Миѣ посыть да горе кручину,
Со бѣла лица слезиночку,
Съ ретива сердца кручинушку.

Со бѣла лица слезиночки,
Съ ретива сердца кручинушки.
Вдвое, втрое горя прибыло
У меня у красной дѣвицы,

.1) Позднѣе Аниэль смыкалась со своею участю, съ мужемъ жила дружно, а въ семье пользовалась уважениемъ и любовью. „И вотъ, поди ты“, говорила она мнѣ: „никто меня никогда не попрекнулъ, ни золовки, ни мужъ, ни разочку. А ужъ я ли имъ всего не выложила, что на душѣ было“.

Ахъ ти миѣ-тиюшки тошихонъко
Моему сердцу ретивому.
Ахъ, во этой теплой баенъкѣ,
Гдѣ сидѣла красна дѣвица,
Выростай береза бѣлая!
Гдѣ лежаль да частый гробешокъ,
Выростай да часть ракитовъ кустъ!
Да гдѣ кидала русы волосы,
Выростай трава шелковая!
Видно, отъ меня, отъ красной дѣвицы,
Отошла да воля вольная,
Отошла да покатилася;

Какъ погляжу я красна дѣвица
Ей во слѣдъ да волѣ вольной:
Куда пошла да воля вольная?
Во которую сторонушку?
Въ которую путь дороженьку?
Вижу, пошла да воля вольная
По чисту полю куцицею,
По подлѣсьцу лисицею.
Какъ навстрѣчу волѣ вольной
Попадаетъ неволюшка великая,
Воля неволѣ поклонилася,
А воля прочь да отпалилася.

Какъ легко Анисья импровизируетъ, мнѣ пришлось самой убѣдиться. Разъ при Анисьѣ я получила отъ мужа письмо и вслѣдъ за нимъ телеграмму. Ее поразила такая внимательность. „Ты ему написши за это стишокъ“. И она тутъ же сложила и продиктовала мнѣ слѣдующее:

Отъ своей да лады милыя
Получила письмо-грамотку,
Словесное да челобитыще.
Спасибо тебѣ, ладо милое,
Мнѣ послалъ да письмо-грамотку,
Мнѣ скорое извѣстыще.
Обрадовалъ, да ладо милое,
Ты мое да ретиво сердце.

Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь—
На чужой дальней сторонушкѣ
Много печалюшки великія,
Много заботушки несносныя;
На чужой дальней сторонушкѣ
Все кинить мое ретиво сердце
По тебѣ, да ладо мое милое.

Этимъ кончаю причеты Анисьи¹⁾ и перехожу къ другимъ.

Причетъ Анны Герасимовны изъ деревни Доропино, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. *Невѣсту къ вѣницу собираютъ:*

Благослови ты, Боже Господи,
Пресвятая Богородице!
Волю, моя воля вольная,
Ты красуйся, дѣвичья красота,
Тебѣ не долго красоватися,
Недолго въ дѣвкахъ сидѣти,
Однѣнье часъ, одну минутушку.
Погляжу я, красна дѣвица,
На всю родиушку великую,

На все стадо лебединое.
Всѣ сидять, мои голубушки,
Всѣ по старому, по прежнему;
Только я лишь, красна дѣвица,
У меня у молодешеньки
Руса коса расплетается,
На рукѣ золото кольцо
У меня да распаяется.

¹⁾ Всѣ эти причеты, равно какъ и другие, печатаемые ниже были демонстрированы Е. Э. Лавевой при помощи фонографа и пѣньемъ въ засѣданіи Эти. Отдѣла.

Когда выйдутъ изъ бани:

Слава, слава тебѣ, Господи!
 Я посмыла, красна дѣвушка,
 Со бѣла лица слезиночку, а
 Съ ретива сердца кручишумку.
 Я иду, да красна дѣвушка,
 Послѣ бани, послѣ паруши,
 На весельи, да на радостяхъ,
 На великой Божьей милости.
 Ты, кормилице сударь-батюшка,
 Засвѣти-тко воскову свѣчу
 Помолиться Господу Богу.
 Я первой да поклонъ положу
 За Царя я благовѣрнаго, .
 За Царицу благовѣрную,
 Я за царевыхъ малыхъ дѣтушекъ,
 За всю кѣру христіансскую.
 Я еще да поклонъ положу
 Я Покрову Богородицѣ:
 Ты, Покровъ да Богородице,
 Ты покрой мою головушку.
 Слава, слава тебѣ, Господи,
 Помолилась Господу Богу.

Мнѣ не что Богу молитися,
 Меня Господи не милуетъ.
 Сколько въ бани не намылася —
 Вдвое, втрое обтерялася:
 Потеряла потерянечку—
 Свою красную-то красоту.
 Какъ пошла да красна красота
 Во трубу пошла дыминочкой,
 Во двери пошла париночкой.
 Гдѣ-то есть у молоденецъки
 Есть обманщицы, охальницы,
 Да вы лисицы, ласкобайщицы,
 Нахвалили да нахвастали
 Вы своей да байной-парушей:
 Что у насъ, да въ байнай-паруши,
 Много веселаго весельица,
 Хорошаго украшенъица —
 Три стола, да три точеные:
 Что на первомъ-то столикѣ
 Янда да пива пьянова,
 На другомъ-то есть на столикѣ
 Есть чара да зелена вина.

Въ виду того, что меня, главнымъ образомъ, интересуетъ музыкальное построение пѣсни, я всюду искала хоровъ или пѣнія „артелью“⁴⁾, какъ называютъ крестьяне. Напѣви же причетовъ и свадебныхъ пѣсенъ, которые довольно однообразны, но встрѣчаются еще всюду, я записывала, только когда не находила пѣсенъ болѣе интересныхъ въ музыкальномъ отношеніи. Но ихъ набралось у меня столько, что съ небольшими дополненіями онъ могутъ дать характеристику всего свадебнаго ритуала, сохранившагося еще во многихъ деревняхъ той мѣстности. Впрочемъ, ближе къ городамъ уже болѣе въ употребленіи „самоходки“, т. е. вѣнчаются по свободному выбору, иногда уходя изъ дома тайкомъ, безъ сватанья и разныхъ бытовыхъ обрядовъ и церемоний. Этой весной я собираюсь сѣѣздить еще въ нѣкоторые медвѣжьи углы Кириловскаго уѣзда, гдѣ сохранились старинные обычай. Теперь я предлагаю послушать, какъ образцы, двѣ свадебныя пѣсни: „При вечерѣ, вечерѣ“ (Славленье жениха) и „Тысяцкій, ты бояринъ большой“ (Славленье крестнаго отца) въ исполненіи фонографа ¹⁾:

¹⁾ Эти пѣсни также были демонстрированы въ засѣданіи Отдѣла. Ред.

Первая пѣсня, славленіе жениха, была спѣта крест. Марьей Климовой съ 2-ми другими, изъ деревни Сюрьмень, Бѣлозерскаго уѣзда. Вотъ она:

При вечерѣ, вечерѣ, при темныхъ да
сумеречкахъ,
При Устиныиомъ дѣвичничкѣ
Прилеталь да младъ ясень соколь.
Онъ садился на окошечко,
На серебряну причалинку,
На златую на закраинку;
Какъ никто не видить сокола,
Да никто не примѣтить яспаго.
Примѣчала ясна сокола
Да Устиныца матушка,
Говорила своей дочери:
„Ты, дитя ли, мое милое,
Примѣчай-ка ясна сокола,

Ясна сокола залетнаго,
Доброго молодца забѣжаго⁴.
„Государыня моя матушка!
Какъ у тя языкъ воротится,
Какъ уста да растворяются, - -
Зачастую вспоминаете,
Мое сердце падрываете;
Миѣ и такъ сердцу тошночонько,
Ретивому обидешенъко:
У меня, у молодешенъки,
Рѣзвы ноженьки подѣбзаны,
Бѣлы ручки опустилися,
Очи ясны помутились,
Голова съ плечь покатилася⁴.

Вторая пѣсня— „Славленіе крестнаго⁴ отца“—на другой мотивѣ была спѣта дѣвушками въ Воротишинѣ, Уломской волости, Черепов. уѣз. Пѣсня эта такого содержанія:

„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты Божью церковь съ
главой?“
— Какъ не любить Божью церковь
съ главой:
Туть у меня *богомолья* моя.
„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты сыновей богатырей?“
— Какъ не любить сыновей богаты-
рей:

Туть у меня и *замѣна* моя.
„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты дочерей хорошихъ?“
— Какъ не любить дочерей хоро-
шихъ:
Туть у меня и *гостъба* моя.
„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты жену въ золотѣ?“
— Какъ не любить жену въ золотѣ:
Туть у меня и *забава* моя.

Странно, что, несмотря на водворяющееся господство фабричной пѣсни и постепенное исчезновеніе старинной, у всѣхъ, даже у молодежи, въ глубинѣ души есть уваженіе къ строгой „досельной“ пѣснѣ и пренебреженіе къ „частушкамъ“, „вертушкамъ“, „туртышкамъ“—названія, которыми клеймить фабричную пѣсню. „Вертятъ, вертятъ, пустомеля какая-то“, говорять старики. „Всѣ пѣсни перевернуты, перекоманы“.— „Пришелъ конецъ вертушкамъ“, радуются пожилыя бабы, узнавъ, что собираютъ старинныя пѣсни, чтобы онѣ не пропали. „А то заведутъ

на одинъ ладъ, да и блеять, какъ овечки, лаютъ какъ сорочки¹⁾.

Старинные пѣсни называютъ различно: досельныя, досюдошныя, давнишнія, дотошныя, долгоголосыя, строгія, уставныя. Про эти пѣсни говорятъ: „пѣсня каждая—правда, какъ подумашъ умомъ“. По содержанію къ нимъ подходятъ разныя *протяжныя* пѣсни: 1) *историческая*, напр. „Какъ во славномъ во городѣ Астрахани“, про „Стеньку Разина“, „Ты рябинушка“; 2) *семейная*: „Спородила мати сына“, „Теща зятя провожала“; 3) *лирическая*—„У Дунюшки было у голубушки“, „Почи темныя осенилъ“, „Не одна во полѣ дороженька“; 4) *торемыя*—„Жавороночекъ“; 5) *рекрутская*, напр. „Долина долинушка“, „Отлетаетъ мой соколикъ“, и другія. Чтобы пѣть ихъ нужно „душа долгая“, по выражению крестьянъ: „если душа коротка, досельной пѣсни не спѣть“. „У его душа долгая“—выѣшала похвала пѣвцу.

Я подмѣтила одно оригинальное и поэтическое выраженіе, которое крестьяне употребляютъ иногда: Вместо того, чтобы сказать: „начинайте пѣсню“, или: „ заводите пѣсню съ краю“, они говорятъ: „затепливайте пѣсню“,—„что ты затухъ, забылъ пѣсни-то“. О знатокѣ пѣсень выражаются такъ: „онъ пѣсни корень“. Деревенскій пѣвецъ не любить пѣть одинъ. Такъ какъ идеалъ пѣсни—протяжная, широкая мелодія, то даже если у пѣвца „душа долгая“, т. е. длинное дыханіе, онъ отказывается пѣть одинъ. „Вывода не хватаетъ“, говорить онъ. „Выводъ“ какъ бы выводитъ пѣвца изъ затрудненія, т. е. другіе голоса, вступая во время, когда ему нужно взять дыханіе, подхватываютъ, поддерживаютъ его,—тогда мелодія льется протяжно. Но къ подголоскамъ хороший пѣвецъ относится весьма разборчиво. Онъ неохотно поетъ съ тѣмъ, кто изъ другой местности и знаетъ пѣсню иначе, чѣмъ онъ. „Какъ не нашей земли не спѣть памъ“, говорить онъ, или: „Я-то къ вамъ прилепусь а вамъ ко мнѣ не пристать“, или такъ: „Не хочу я съ нимъ пѣть, онъ мнѣ голосъ перепибаетъ“.

1) По этому поводу обращаемъ вниманіе на статью Е. Э. Линевой: „Жив ли народная пѣсня?“ („Русск. Вѣд.“ 1903 г. № 31), написанную по поводу статьи Д. Зелепипа: „Черты современного народного быта по частушкамъ“ („Русск. Вѣд.“ 1903 г. № 8).

Какъ-то мы разъ разговорились съ Анисьей о томъ, почему молодежь меньше поетъ, чѣмъ въ старину. Анисья дала мнѣ на это своеобразное объясненіе: „Жить теперь лучше стало, должно быть“, отвѣчала она, подумавъ. „Бывало, какъ на барщину погонять, да цѣлый день на чужой работѣ промаешься, вечеромъ и кричиши съ радости, что работа кончена. И какъ пѣли-то. Вѣдь кто поетъ, тому легче, а горе съ собой таскать да молчать, куда труднѣе. Теперь жить лучше, вотъ и не поютъ“.

Черезъ нѣсколько дней я совершенно неожиданно услыхала совсѣмъ другое объясненіе того же явленія, почти противоположное, отъ одного крестьянина изъ близкой къ городу деревни. „У насъ пѣсни съ голоду издохли“, саркастически замѣтилъ онъ на мой вопросъ—поютъ ли у нихъ пѣсни. „Деревня обѣдила, земли мало, всѣ ее бросили, народъ въ городъ ушелъ“.

А чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ назойливѣе и вульгарнѣе звучитъ фабричная „частушка“, а хорошая пѣсня забыта.

Мнѣ пришлось этимъ лѣтомъ проѣхать по Новгородской губерніи около 1500 в. (1000 на лошадяхъ и 500 водою—на пароходѣ и частью на лодкѣ), и удалось записать всего 200 слишкомъ пѣсень (включая разныя варианты одной и той же пѣсни). Я начала съ Череповецкаго уѣзда, о которомъ меня предупреждали, что тамъ уже навѣрно нѣтъ стариныхъ пѣсень. Но на дѣлѣ оказалось, что во многихъ мѣстахъ Череп. уѣзда еще сохранились пѣсни, и записи этого уѣзда оказались даже лучше Бѣлозерскаго и Кирилловскаго уѣздовъ. Но и въ этихъ двухъ уѣздахъ я нашла много интереснаго.

Въ Уломской волости Череп. уѣзда я записала, пожалуй, самыя лучшія пѣсни. Избравъ Череповецъ центромъ, я сначалаѣздила въ разныя стороны отъ него, верстъ на 50, 70 разстоянія, и опять возвращалась. Обыкновенно я не напоминала почтовыхъ лошадей, находя это стѣснительнымъ приѣздѣ по захолустнымъ деревнямъ. Я просто напоминала телѣжку съ лошадью крестьянина и по всему уѣздуѣздила съ однимъ человѣкомъ. Удобно то, что опять заинтересовывается дѣломъ и даже помогаетъ мнѣ обыкновенно. Два молодыхъ паренька, съ которыми яѣздила по Череповецкому и Бѣлозерскому уѣздамъ, совсѣмъ вникли въ дѣло и своимъ сознательнымъ отношеніемъ помогали мнѣ при знакомствѣ съ населеніемъ. Третій же, упрямый и гру-

боватый старикъ, напротивъ, все путалъ. Выслушавъ мои объясненія и увѣривъ меня, что все понялъ, вездѣ на вопросъ, зачѣмъ яѣзжу, онъ говорилъ: „онаѣздитъ отъ Моск. Об-ва сочинять пѣсни“ вмѣсто собирать пѣсни. Онъ такъ упрямо задолбилъ эту фразу, что всѣ мои протесты были напрасны.

Въ Бѣлозерскѣ я попала на Съездъ учителей и они, съ инспекторомъ народныхъ школъ во главѣ, благословили меня совѣтами и адресами по Бѣлозерскому уѣзду. На юго-западѣ отъ Бѣлозерска на Судѣя я собрала ѿбильную жатву, но какъ только направилась на сѣверо-западѣ отъ Бѣлоозера въ Куйю, гдѣ живутъ корелы, въ Ломенскую и Шольскую волости, какъ почувствовала, что йду напрасно. Всюду меня стали преслѣдовать тѣ „вывернутыя“, „супротивныя“ пѣсни, которыя вмѣстѣ съ другими оборышами цивилизациіи приносить изъ городовъ уходящая на промыслы часть населенія. Вместо мелодій изъ оперъ русскихъ композиторовъ, которыхъ, при болѣе демократической постановкѣ музыкального дѣла въ городахъ, могли бы сохраниться въ памяти у пришельцевъ изъ деревень, туда несется нелѣпая, грязная фабричная частушка. Рѣзкой, болѣй царепиной остался въ моей памяти стишокъ, который пѣлъ какой-то фабричный, на берегу Шолы:

„Николаичъ, проклятой,

Что надѣлалъ на святой..."

Стишокъ, очевидно, ему нравился, и онъ повторялъ его на разные лады. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ героеvъ, который воспѣвается въ современныхъ пѣсняхъ-романсахъ:

„Мой милка хорошъ,
Онъ на писаря похожъ.

Онъ и пишеть и мараетъ,
И цѣлуетъ, обнимаетъ.

Признаюсь, я постыдно бѣжала съ Шолы, сдѣлавъ, впрочемъ, попытку записать пѣсни и собрала нѣсколькихъ бабъ. Но онѣ такъ ужасно пѣли, что у меня „ушки заявили“, по народному выражению. Вообще только въ глухихъ мѣстахъ еще стоять искать остатки хорошихъ старинныхъ пѣсень, въ небольшихъ, захолустныхъ деревняхъ. Былины въ Новгор. губ. почти исчезли, кромѣ рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ. Воспоминаніе о героическомъ новгородскомъ эпосѣ, насколько мнѣ пришлось наблюдать, стерто безслѣдно. Остатки его унесли новгородскіе выходцы, разселившіеся по сѣверу.

По все еще важную роль играютъ въ жизни деревни тѣ хорошие пѣвцы, знающіе старинныя пѣсни, которыхъ я назвала деревенскими Мазиннами и Фигнерами. На праздникахъ ихъ угощаютъ и чествуютъ по въ примѣръ другимъ. Ими гордятся и хвалятся. Въ сѣную жизнь деревни, которая мѣтко характеризуется формулой „посѣялъ, сѣялъ, удобрилъ“, они вносятъ тотъ элементъ наслажденія и подъема духа, безъ котораго не прожить человѣку.

Изъ пѣвцовъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться этимъ лѣтомъ, особенно выдается, по удивительному знанию массы пѣсенъ, Григорій Александровичъ Прохоровъ, крестьянинъ деревни Малаты, Череп. у. Онъ человѣкъ уже пожилой, т. е. ему далеко за 50, у него есть женатый сынъ, по голосу у него очень пріятный и звучный. „Голосокъ-то у тебя малиновый“, говорить ему въ деревнѣ и очень имъ гордятся. Въ его нервномъ и изящномъ пѣннѣ—онъ никогда не кричать и не форсируетъ голосъ—есть что-то необыкновенно задушевное и какал-то артистическая законченность. Онъ отдается пѣню всѣмъ существомъ. И при этомъ чуждъ всякаго самомнѣнія. У него очень симпатичная наружность—умное, худощавое лицо, правильныя черты и небольшая острыя бородка съ сильной просѣдью. Меня очень удивляло его отношеніе къ собиранію пѣсенъ. Какъ я уже говорила выше, одно время мнѣ пришлось избрать Череповецъ центромъ моихъ поѣздокъ, и каждый разъ, какъ онъ узнавалъ о томъ, что я вернулась, онъ приходилъ и говорилъ: „А ну-ка, нельзя ли послушать, что вы привезли. Чего они вамъ напѣли“? По цѣлымъ часамъ готовъ онъ былъ слушать разныя записи; онъ очень цѣнилъ все, что было хорошо спѣто, хвалилъ и особенно относительно напѣва призывалъ большую свободу импровизаций; но иногда говорилъ: „А это я вамъ лучше спою“. Къ тексту онъ былъ очень строгъ, хотя тоже вполнѣ допускалъ разные варианты и ничего не хотѣлъ передѣлывать по своему. Къ сожалѣнію, какъ разъ наканунѣ дня, который былъ назначенъ для записыванія въ Малатѣ, ему пришлось таскать весь день тяжести, переносить шкафы и столы изъ кухни Техническаго училища въ новое помѣщеніе, такъ что онъ былъ страшно утомленъ, и запись вышли слабѣе, чѣмъ могли быть ¹⁾.

¹⁾ Въ заѣздѣ въ Отдѣла были продемонстрированы спѣтыя имъ пѣсни: „Не

Второй солистъ, котораго я представляю вашему вниманію, Лаврентій изъ Липина Бора, Бѣлоз. у. Онъ бѣденъ имуществомъ, но богатъ пѣснями. Живетъ онъ въ скромной избушкѣ вдвоемъ со своею старухою.

Когда мы вѣхали въ деревню и спросили Лаврентія, намъ крикнула баба изъ окна: „Вотъ его изба рядомъ съ моєю. Да его дома нѣть, винь, дверь на замокъ заперта“.—„А гдѣ же онъ?“ спросила я. „Картошкукопаетъ“.—„Да у него и картошки своей нѣть, все сгнила“, протестовалъ хоръ ребятишекъ, какъ изъ земли выросший вокругъ моей телѣжки.—„И то“, сказала баба-сосѣдка, „може чужую копаетъ... А вамъ зачѣмъ?“—„Пѣсни, говорять, онъ хорошо поетъ,—такъ записать“.—„Правда, правда истинная, сказала баба: такъ поетъ, такъ поетъ... Бѣденъ Картошка сгнила... а ужъ поетъ—наплачешься, его слушамши“.

Лаврентія скоро разыскали. Онъ оказался очень пріятнымъ, добродушнымъ старикомъ. Стиль его пѣсни совсѣмъ оригинальный, какой-то старосвѣтской, съ своеобразными украшеніями, которымъ онъ вносить во всѣ пѣсни¹⁾.

Теперь споетъ „Лучинушку“ Степанъ Китовъ изъ Новой Старины, на Судѣ²⁾. Деревня эта произвела на меня совсѣмъ особенное впечатлѣніе. Въ ней были только новые дома, а многие еще достраивались. Она поражала оживленіемъ, рѣдкимъ въ небольшой деревнѣ. Въ ней было 25 дворовъ. Пародъ казался веселымъ, бойкимъ. Какъ я узнала послѣ, деревня, остроумно названная Новой Стариной, возникла, такъ сказать, на развалинахъ помѣщичьяго быта. Крестьяне года два тому назадъ переселились сюда изъ разныхъ мѣстъ, купили въ складчину землю у помѣщицы за 10 тыс. необыкновенно удачно и до сихъ поръ радуются. Имъ уже предлагаютъ за землю 20 тыс., но они ни за что ее не отдадутъ. Меня они пригласили сами, услыхавъ о „машинѣ“, которая поетъ человѣческимъ голосомъ. „Пускай она къ намъѣдетъ, мы ей напосмѣхъ“. Я и приѣхала, и довольно удачно, на третій день ихъ деревенского праздника. Народъ именно па-

одна во полѣ дороженька“, „Подуй, подуй, погодушка“, „Подъ яблонкою“ и др.

Ред.

¹⁾ На засѣданіи эти отдельы были продемонстрированы спѣтыя Лаврентіемъ „Спородила мати сына“ и „Возлѣ рѣчки“.

Ред.

²⁾ И эта пѣсня была исполнена фонографомъ.

Ред.

ходился въ такомъ настроеніи, что хотѣлось продолженія начатыхъ удовольствій, и фонографъ явился кстати. Хоръ былъ недурной. Но особенно выдѣлялся изящной фразировкой Степанъ Китовъ. Лучинушку онъ спѣлъ одинъ и, какъ мнѣ кажется, необыкновенно удачно¹⁾.

Теперь затрону важный вопросъ о способѣ собирания пѣсень.

Есть очень достойные собиратели, которымъ удается собрать цѣлую коллекцію пѣсенъ, не трогаясь съ мѣста. Они довольствуются случайно попавшими въ ихъ руки интересными экземплярами пѣсень отъ самыхъ разнообразныхъ исполнителей, начиная съ оперныхъ пѣвцовъ и кончая своей кухаркой или лакеемъ. Достоинства этихъ записей зависятъ всецѣло отъ таланта собирателя, отъ его музыкального чутья. Обыкновенно такие собиратели, не имѣя возможности провѣрить сравненіемъ вѣрность своихъ записей, склонны преувеличивать значеніе своихъ записей и считаютъ ихъ единственными „химически-чистыми“, по выражению одного доктора собирателя.

Другіе собиратели, живя въ деревнѣ, изучаютъ свою округу, свой уѣздъ или губернію и собираютъ мѣстныя пѣсни. Въ выводы ихъ изслѣдованія можетъ вкрадаться нѣкоторая односторонность, но у нихъ въ рукахъ уже болѣе цѣнныя данныя—они стоятъ у самаго источника.

Третій способъ—спеціальные поѣздки для записыванія пѣсень, можетъ быть самый правильный. Я говорю „можетъ быть“, потому что, испытавъ его на дѣлѣ, вижу и въ немъ нѣкоторые недостатки. Преимущество его въ томъ, что онъ открываетъ собирателю огромное поле изслѣдованія, даетъ возможность познакомиться съ пѣсней разныхъ мѣстностей, сравнивать различные варианты пѣсень. Главный же его недостатокъ—невольная спѣшность дѣла и иногда отсутствіе предварительного знакомства съ мѣстными условіями и съ людьми, съ которыми приходится имѣть дѣло. Вообще, мнѣ думается, важно привлечь къ дѣлу собирания пѣсенъ мѣстныя деревенскія силы. Нѣтъ возможности

1) Я не могу еще дать полной характеристики новгородской пѣсни въ Череп., Бѣлоз. и Кипри. уѣздахъ. Надѣя нимъ еще нужно поработать, но нѣкоторая изъ тѣхъ, кот. я записала, представляютъ не малый интересъ по красотѣ напѣва, что видно даже изъ исполненія фонографа, всегда вѣсколько портищаго пѣсню.
Примѣч. автора.

вступить въ сношенія со всѣми учителями, священниками, земскими начальниками и другими официальными лицами, не зная ихъ. Это дѣло было бы безполезной потерей времени. Изъ личного опыта я убѣдилась, что немногіе интеллигенты знаютъ пѣсни своей мѣстности. Даже между учителями и священниками такія лица составляютъ исключеніе. Учителя не всѣ умѣютъ даже отличить старинную пѣсню отъ пѣсни новой формациіи и вводили меня въ заблужденіе, которое удавалось разсѣять, только наведя справки у крестьянъ - пѣвцовъ. Цѣнны только *указанія* людей, *дѣйствительно интересующихся* этимъ дѣломъ. Узнать же ихъ можно только на мѣстѣ. Поэтому я рекомендовала бы *предварительныхъ* поѣздки для ознакомленія съ мѣстностью и населеніемъ, во время которыхъ можно опредѣлить пункты, где стоитъ записывать пѣсни, и познакомиться съ „*пѣсенниками*“. Вотъ эти *народные пѣвцы*, главнымъ образомъ старики и старухи, и есть тольѣlementъ, который важенъ при собираниіи *хоровыхъ* записей. Нужно познакомиться съ ними во время предварительной поѣздки, просять ихъ приготовить пѣсни „*артелию*“, какъ они называются, къ слѣдующему прїѣзду собирателя, и условиться относительно времени, къ которому можетъ спѣться хоръ. Я думаю, что это *единственный способъ* приблизиться къ идеальной записи народнаго хорового исполненія. Иначе всегда придется записывать пѣсни въ несовершенномъ видѣ, въ исполненіи двухъ-трехъ старииковъ, а иногда и одного старика или старухи, такъ какъ другое не знаютъ пѣсень по старинному складу. Для того, чтобы записать возможно лучшее исполненіе, необходимо впередъ все приготовить, впередъ вступить въ сношенія съ мѣстными пѣсельниками. Узнать же о нихъ можно въ дорогѣ при перѣѣздѣ изъ одного мѣста въ другое, а лучше всего - отъ самихъ крестьянъ.

Мнѣ кажется, очень важно установить въ пародѣ тотъ взглядъ, что помнить и пѣть старинныя пѣсни не стыдно и не только не преступленіе, но даже въ своемъ родѣ гражданская доблестъ. Тогда повсемѣстно старики и старухи постараются припомнить многія забытые пѣсни. Хорошо было бы даже давать за это какую-нибудь награду, подарки или благодарность въ какой-либо иной формѣ. Тогда не были бы возможны факты, подобные случившемуся въ Тамбовской губ. въ одну изъ моихъ прошлыхъ поѣздокъ, когда 63 лѣтніго старика-запѣвалу священникъ поста-

виль на колѣни въ церкви, при всемъ народѣ, за то, что онъ пѣль пѣсни въ неурожайный годъ. Конечно, этотъ печальный фактъ составляетъ исключение,—въ другихъ мѣстахъ священники, напротивъ, помогали мнѣ,—но фактъ этотъ тѣмъ не менѣе остается во всей своей силѣ.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ пришлось попасть въ довольно неловкое положеніе. Имѣя уже достаточный опытъ въ записываніи пѣсенъ фонографомъ, а въ двухъ деревняхъ Новгородской губ. даже встрѣтивъ фонографъ у сыроваровъ, которые пытались записать пѣсни, я совершенно успокоилась насчетъ того, что „нечистая сила“ не загородитъ мнѣ нигдѣ дороги. Но вотъ мнѣ пришлось прѣѣхать въ большое село Родники, Кирилловскаго уѣзда, Польченъгской волости. Я остановилась въ домѣ богатаго крестьянинна, па котораго мнѣ заранѣе указали. Семья оказалась очень большая, а старуха-хозяйка была большая любительница пѣсенъ. Она собрала нѣсколько старухъ, довольно древнихъ, такъ что голоса были разбиты. Сначала шло довольно плохо, и я думала, что записывать не стоить. Но, чтобы туда попасть, пришлосьѣхать по ужасной дорогѣ, называемой мѣстными жителями „колодникомъ“, и не хотѣлось претерпѣть эту пытку напрасно, такъ что я терпѣливо добивалась, чтобы старухи что-нибудь наладили, шѣла съ ними, напоминала имъ пѣсни. Наконецъ, пошло недурно, и старухи рѣшили спѣть въ „трубу“, но съ тѣмъ, чтобы спачала послушать „машинку“. Я дала имъ послушать нѣсколько пѣсенъ, объяснила, какъ обыкновенно, устройство машинки и предложила имъ спѣть. Старухи уже стали передъ рупоромъ и приготовились пѣть, какъ вдругъ хозяйка заупрямилась. „Не могу“, говоритъ: „страховито. Не люди въ трубѣ поютъ, а бисы; діаволъ рычитъ“. Всѣ старухи шарахнулись отъ трубы, какъ испуганныя овцы. Слышу, какъ она внушаетъ имъ, что пѣть въ трубу грѣхъ, начинаетъ говорить о послѣднемъ днѣ, о гласѣ трубномъ. „Ну“, думаю, „конецъ“. Молча убираю фонографъ и соображаю, что глупые слухи могутъ повредить мнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Потомъ говорю имъ: „Какъ вамъ не стыдно. Вотъ вы говорите грѣхъ, грѣхъ... А развѣ можетъ быть болѣшій грѣхъ, какъ обидѣть человѣка? Развѣ вы не понимаете, какую злую небылицу вы на меня взводите, напраслину? Меня вѣдь и позвалъ-то къ вамъ вашъ же мужикъ, Федоръ, въ Пущарѣ у батюшки мы встрѣти-

лись". „Федоръ? Такъ оно и есть. Онъ на праздникъ въ Чунтару бѣзилъ, дѣло у него къ батюшкѣ было“, послышались голоса. „И пѣсни тамъ записывала, и самъ батюшка помогалъ“, вступился мой ямщикъ. „Ну, поѣдемъ, дядюшка Никаноръ, Богъ съ ними“, сказала я. Потомъ помолилась умышиленно широкимъ крестомъ на образъ и пошла садиться въ телѣжку. Старухи были смущены и толклись на крыльца. „Ты бы намъ хоть по гравенничку дала“, нерѣшительно проговорила одна старуха. Я чуть не разсмѣялась. Очевидно, образъ діавола блѣдила. „Эхъ, вы, безстыдницы“, крикнулъ на нихъ дядюшка Никаноръ: „обидѣли человѣка, да съ него же гравенникъ тянете“, и ударилъ по лопатамъ. „Дуры бабы“, проговорилъ онъ и долго плевалъ сердито на дорогу. Такъ я въ Родникахъ ничего и не записала. Но, кромѣ одного, двухъ подобныхъ случаевъ, отношеніе къ удивительной „машинѣ“, запоминающей пѣсни съ первого раза—это особенно удивляло крестьянъ—было вполнѣ разумное. Она возбуждала громадный интересъ. Всѣ хотѣли знать, кто тотъ хитрый человѣкъ, который ее выдумалъ, и старались запомнить имя Эдисона. „Шиль, проворный какой“, замѣчали они. „Премудрость Соломонова, истина“. Одинъ острякъ изрекъ: „Эта машинка выдумана для вдоваго попа. Заскучаетъ безъ жены, вотъ ему и утѣха“.

Закончу пѣсколькими словами о музыкальномъ значеніи фонографической записи пѣсень. Я смотрю на фонографъ, какъ на удивительно удобную записную книжку, которую, конечно, лучше всего понимаетъ тотъ, кто записалъ въ нее. Лично мнѣ никогда бы не записать всѣ голоса во время исполненія: я записываю медленно. Удачно записанная фонографомъ пѣсня всецѣло сохраняетъ свой оригиналлъный характеръ какъ въ ритмическомъ, такъ и въ гармоническомъ смыслѣ. Каждая пѣсня, если дать ей возможность вылиться на бумагѣ въ той формѣ, которую ей придали пѣвцы-импровизаторы, подчинивъ напѣвъ слову, каждая пѣсня, повторю, носить особенный, интересный въ музыкальномъ отношеніи характеръ.

Е. Э. Линева.